

Ленская Анастасия Ивановна

НАРОДНИЧЕСКАЯ КРИТИКА О ТВОРЧЕСТВЕ Ф. СОЛОГУБА (СТАТЬИ А. Е. РЕДЬКО)

В статье впервые подробно анализируются работы критика-народника А. Е. Редько, посвящённые творчеству Ф. Сологуба. Цель исследования - показать, с какими сложностями столкнулся критик демократической направленности при интерпретации творчества чуждого ему в идейно-эстетическом плане писателя-модерниста.

Редько верно выявил соединение фактографической точности и фантастики в прозе Сологуба, но увидел в этом не своеобразие художественного метода, а неумение писателя следовать принципам жизнеподобия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. II. С. 118-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**RELIGIOUS AND BIBLICAL MOTIVES AS A SOURCE
OF FIGURATIVENESS OF THE LINGUO-CULTURAL CODE “TIME”
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Kutumova Sof'ya Aleksandrovna
Moscow City Teacher Training University (Branch) in Samara
smartellin@gmail.com

The article examines the peculiarities of the etymology of phraseological units in the English and Russian languages containing Biblical expressions. The author conducts her research within linguo-cultural frames, which have been topical recently due to the relative novelty of the direction, and pays special attention to the examination of the denominations under study as one of the sources of the figurativeness of the linguo-cultural code “Time”.

Key words and phrases: linguo-culturology; Biblical expressions; religion; religious texts; proverbs; linguistic worldview; culture.

УДК 82-95

Филологические науки

В статье впервые подробно анализируются работы критика-народника А. Е. Редько, посвящённые творчеству Ф. Сологуба. Цель исследования – показать, с какими сложностями столкнулся критик демократической направленности при интерпретации творчества чуждого ему в идейно-эстетическом плане писателя-модерниста. Редько верно выявил соединение фактографической точности и фантастики в прозе Сологуба, но увидел в этом не своеобразие художественного метода, а неумение писателя следовать принципам жизнеподобия.

Ключевые слова и фразы: Ф. Сологуб; журнал «Русское богатство»; народническая критика; символистская проза; художественный метод.

Ленская Анастасия Ивановна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
lenskaya_a@mail.ru

НАРОДНИЧЕСКАЯ КРИТИКА О ТВОРЧЕСТВЕ Ф. СОЛОГУБА (СТАТЬИ А. Е. РЕДЬКО)[©]

О творчестве Ф. Сологуба ещё при жизни писателя высказались представители разных школ и направлений. Были среди них и критики-народники, которые в целом отрицательно относились к модернизму, однако не игнорировали при этом эстетическую значимость ряда модернистских произведений, что позволяет выявить ценное зерно в их отзывах. Особого внимания заслуживает опубликованная в журнале «Русское богатство» обзорная статья критика-народника А. Е. Редько, посвящённая прозе и поэзии Ф. Сологуба, а также его менее объёмные работы о писателе. Его статьи интересны тем, что в них критик обращается к творчеству чуждого для него в идейно-эстетическом плане художника, но при этом производит глубокий анализ его произведений, обнаруживая ускользнувшие от других критиков детали.

Александр Мефодьевич Редько (1866-1933) – литературный критик, публиковавшийся преимущественно в журнале «Русское богатство», соиздателем которого он стал в 1909 году. Свои статьи он подписывал А. Е. Редько, так как они писались обычно в соавторстве с женой Евгенией Исааковной. В их поле зрения попали такие писатели, как М. Горький, Л. Андреев, Л. Толстой, Г. Ибсен и др.

Работа Редько носит название «Ф. Сологуб в бытовых произведениях и в “творимых легендах”». Основное внимание в этой статье уделено роману «Мелкий бес», но затрагиваются также романы «Тяжёлые сны», «Творимая легенда», рассказы и лирика Сологуба. В названии статьи критик метко охарактеризовал два полюса творчества Сологуба, две тенденции его прозы, которые в работах современных исследователей называются взаимодействием «условности и жизнеподобия» [2, с. 126].

Редько убеждён в ошибочности трактовки романа «Мелкий бес» как сатирического произведения. Вступая в спор с читателями и критикой, увидевшими в романе сатиру на убогую русскую действительность, Редько сначала допускает, что сатирический замысел у автора присутствовал. И лишь после того, как эта версия признаётся критиком несостоятельной, Редько даёт отрицательную оценку литературной программе Сологуба.

Чем в целом руководствуется критик? С точки зрения народников, и прежде всего их лидера Н. К. Михайловского, в произведении должна быть общая организующая идея, которая проступает на всех его художественных уровнях. Такой идеи, по мнению Редько, не было в произведениях Сологуба. Критик увидел в романах писателя череду эпизодов, произвольно нанизанных друг на друга. Незначительные детали изображаются автором так же добросовестно, как и важнейшие для понимания смысла романа. Это происходит, как считает критик, от того,

что творческая энергия писателя не сконцентрирована на попытке сформулировать и воплотить в своём произведении какую-то одну первостепенную и всеобъемлющую мысль. Редько подчёркивает расшатанность прозаических конструкций Сологуба в самой их основе. Романами не хватает того идейного импульса, который упорядочил бы их структуру и сделал бы оправданным и художественно достоверным изображённое в них.

Народники выступали против беспорядочного воспроизведения действительности. Сологуб в предисловии к «Мелкому бесу» писал о том, что в этом романе он даёт читателям зеркало, призванное точно и бесстрастно отобразить всё безобразное и прекрасное, что есть в мире. Но против подобного рода «зеркальности» и боролись народники. Достаточно вспомнить, что именно в бесстрастной зеркальности упрекали они Чехова. Поэтому изображённое писателем представляется критику бессистемным, собранным вместе лишь благодаря произволу творческой воли автора.

По мнению народников, искусство должно существовать для блага человека и человечества, развивать прогрессивные идеи, оно должно заключать в себе воспитательную функцию, затрагивать морально-политическую проблематику, оказывать позитивное влияние на читателя. С этой точки зрения творчество Сологуба скорее аморально. Редько не раз отмечает пристрастие Сологуба к изображению телесности. Остро развито умение ценить телесную красоту у Людмилы Рутиловой, у Логина. Гедонизм и эстетизм в прозе Сологуба Редько считает безнравственным и борется с ним с помощью насмешки. Но стоит подчеркнуть, что само выделение компонента телесности как ведущего в текстах писателя является заслугой критика. На мотив телесности в творчестве Сологуба обращали внимание и другие критики. Р. В. Иванов-Разумник ещё раньше, чем А. Е. Редько, увидел в романе «Мелкий бес» противопоставление передонощины и культа телесной красоты. Но эпизод с Людмилой Рутиловой и Сашей Пыльниковым показался этому критику неубедительным, ведь красота, по его мнению, не может оправдать страдания, которыми полна жизнь. А. А. Измайлов же, напротив, в отличие от А. Е. Редько, не осуждает Сологуба за эстетизм, воплощением которого в романе «Мелкий бес» являются отношения Саши Пыльникова и Людмилы Рутиловой, а, наоборот, утверждает, что «это здоровый и трезвый культ тела и красоты, – то, что составляет право и обязанность искусства» [6, с. 457]. И. Ф. Анненский и А. Г. Горнфельд на материале лирики Сологуба выделили мотив босых ног, служащий одним из способов писателя подчеркнуть телесную красоту своих героев.

Редько немалое место в своём разборе уделяет системе персонажей. Он рассуждает о положительных и отрицательных, главных и второстепенных героях романов «Тяжёлые сны» и «Мелкий бес». Само разделение героев на положительных и отрицательных традиционно. Однако при их сопоставлении критик делает неожиданное заключение: между ними сходство большее, чем это принято признавать. И в этом можно увидеть оригинальную позицию критика. Так, к волшебству с доверием относятся и Передонов, и Триродов. И в образе Передонова автор осуждает не его суеверия как таковые, а его неспособность быть причастным к тайным знаниям, которые доступны Триродову. Помимо веры в мистические силы пару Логин – Передонов сближает, по мнению критика, отсутствие морального чувства. Воздержание и расчёт – вот основы и Логина, и Передонова. Разница между ними только в эстетизме: Передонов не знает, что такое красота и чистое наслаждение ею. Только за это, как с негодованием отмечает критик, автор и будет разоблачать своего мелкобесца и превозносить эстета Логина. Как видим, Редько верно указывает на наиболее значимую категорию в идейном багаже Сологуба – чувство красоты, наслаждение прекрасным. Это качество способно «перевесить» для автора все остальные.

Редько указал на особенность персонажей Сологуба: они, по мнению критика, нежизненны, их характеры противоречивы, они наделены взаимоисключающими чертами, что позволяет воспринимать их как условность, видеть в них свод авторских идей, но только персонифицированных и скрытых под оболочкой жизнеподобия. И здесь он недалёк от истины, так как в этом и проявляется символизм Сологуба. В качестве примера Редько разбирает характеры сестёр Рутиловых, выявляя в них отрицающие друг друга качества, которые, по его мнению, нарушают целостность художественного образа. То же критик обнаруживает и в характере Передонова и выносит такой вердикт: «Нет образа Передонова. <...> Существует лишь слово “Передонов”, которому случайно посчастливилось в литературном обиходе» [11, № 3, с. 81].

Редько, подобно многим критикам, не избежал соблазна поискать сходства между автором и его героями. Он утверждает, что Сологубу близки такие персонажи его романов, как Логин и Триродов. Сходство автора и его героев, по мнению критика, проявляется не только в близости темпераментов и совпадающей идейной позиции. Причиной такого тождества, по мнению Редько, является нежелание, а может быть, и неспособность писателя воплотить свою мысль в жизнеподобном, внутренне правдивом художественном образе и создать такой характер, знакомство с которым давало бы читателю возможность познавать действительность, а не получать искажённые представления о ней.

Редько одним из первых сделал вывод, что «Мелкий бес» – не политическая и общественная сатира, а философский роман. Передонова окружает пошлость, воплощением которой принято считать Недотыкомку. Но с этой пошлостью он не борется, а вот Недотыкомку боится и борется с ней. На самом деле, как думает Редько, Недотыкомка – это воплощённый страх перед космосом, перед чем-то враждебным, существующим независимо от человека в природе. Недотыкомка символизирует ужас бытия. Передонов погиб потому, что стал жертвой слабости человеческого познания. Он чувствовал, что окружён тайнами враждебной человеку мировой жизни, в которых есть место и чарам, и волшебству. Он боролся с этими тайнами и ушёл в безумие, раздавленный ими. Прочтение романа «Мелкий бес» как романа о познании, о невозможности постичь универсальные законы бытия не утратило своей актуальности, а наоборот, приобретает всё большую убедительность. Можно сказать, что здесь Редько предугадал тенденции современного соловубоведения.

Редько выводит на первый план проблему определения художественного метода Сологуба, проблему отношения писателя к действительности и её художественного претворения. Наблюдательность критика позволяет ему заметить такую особенность прозы писателя, как неразличение подлинного и выдуманного. «Как мы видели, – пишет критик, – он изображает всё с одинаковой точностью: и то, что может быть истолковано как сатира, и то, что не имеет никакого отношения к сатире: в описании вещей, положений и людей, которым он даже явно стремится придать особую правдоподобность и привлекательность. Он просто не чувствует никогда разницы между правдоподобным и невероятным, он видит тяжёлые сны и их добросовестно рассказывает, как подлинную реальность» [Там же, № 2, с. 79]. Но точно отметив эту особенность, действительно определяющую творческую манеру Сологуба, Редько легко «расправляется» с ней: просто относит её к неумению отличать правдоподобное от заведомо фантастического. Это, а также нарушение пропорций и масштаба в изображении явлений, проявившееся в равном внимании к важному и несущественному, служит для критика достаточным основанием для того, чтобы отказать прозаику Сологубу в художественном мастерстве. Он не видит в указанной особенности художественного приёма. Следовательно, несовершенство методологических установок критика не даёт ему верно оценить даже точно зафиксированные факты.

Лирика Сологуба получила в работе Редько более высокую оценку, чем проза. Это связано с тем, что лирика даёт не объективную картину действительности, а настроение, не нуждающееся в подкреплении фактами и событиями, создавшими его. И запечатлеть определённое настроение, обычно пессимистическое, удаётся, по мнению критика, лирику Сологубу. Такое мнение достаточно неожиданно, так как именно лирика Сологуба вызывала обычно град упреков за воспевание смерти и злого начала в мире.

В статье «С “Перевала” в “Шиповник”» Редько провёл небольшое текстологическое исследование пьесы Сологуба «Любви», сопоставив две редакции пьесы – за 1907 г. и за 1910 г. Своему названию статья обязана тому, что первая редакция драмы «Любви» была напечатана в журнале «Перевал», а вторая редакция была помещена в восьмом томе собрания сочинений Сологуба, вышедшего в издательстве «Шиповник».

Изменения, внесённые в финальный диалог между двумя главными героями, Александрой и Реатовым, коренным образом повлияли на смысл произведения. В первой редакции героиня узнаёт, что Реатов, в которого она влюблена и который хотел бы стать её женихом, её отец. И гордо произносит: «сожжём ветхие слова, которые нас разделили» [10, с. 155], бросая этим вызов обществу с его традиционной моралью, налагающей ограничения на свободную стихию любви, и, по сути, соглашается на инцест. А во второй редакции героиня узнаёт, что Реатов на самом деле не является её отцом. И она бросает вызов «лживым, не верящим правде людям» [Там же, с. 156], которых не удастся убедить в том, что влюблённые на самом деле не являются родственниками. Редько иронизирует над таким снижением пафоса протеста героини, которая теперь вынуждена бороться со сплетниками, а не с основополагающими нравственными принципами. При этом вызывает удивление, что Редько не приводит в ужас возможность пропаганды кровосмесительной связи в художественном произведении.

Почему Редько обратил внимание на пьесу «Любви»? В его понимании литература, как уже указывалось вначале, должна воздействовать на моральный облик общества, пытаясь изменить его к лучшему. А Сологуб не просто не делает этого, но, напротив, желает завоевать популярность и одобрение публики и поэтому следует «моды на мораль», то есть ориентируется на вкус толпы, быстро меняющей свои представления о нравственности. Если сначала он защищал «аморальность» своих героев, то теперь считает важным борьбу против мещанских устоев.

Таким образом, Редько, будучи критиком демократической направленности, ощутил сложность и противоречивую природу творчества символиста Ф. Сологуба, но объяснил это недостатком мастерства художника, не сумевшего быть последовательным в претворении собственных художественных принципов.

Редько серьёзно размышляет о природе художественного метода Сологуба. Критик верно отметил соединение воссоздающей и пересоздающей тенденции в прозе писателя, указал на соседство бытовых произведений и творимых легенд. Но увидел в этом не своеобразие художественного метода Сологуба, а неумение писателя следовать требованиям жизнеподобия при создании художественных образов. Однако сделанные им частные замечания и наблюдения оказались весьма продуктивными и получили развитие в современном сологубоведении. Редько верно указал на философскую проблематику романа «Мелкий бес», а также на значимость для Сологуба категории красоты, в том числе телесной, которой отведено важнейшее место в его ценностной системе.

Сопоставив же две редакции пьесы Сологуба «Любви», что в целом редко осуществлялось в прижизненной критике, Редько акцентировал внимание на шаткости нравственной позиции писателя и его зависимости от «моды на мораль».

Список литературы

1. **Анненский И. Ф.** О Сологубе // О Федоре Сологубе: критика, статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. СПб.: Навьи Чары, 2002. С. 153-172.
2. **Глинкина Н. А.** Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда»: проблема художественного синтеза жизнеподобия и условности: дисс. ... к. филол. н. Ульяновск, 2003. 150 с.
3. **Горнфельд А. Г.** Недотыкомка // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. СПб.: Навьи Чары, 2002. С. 389 – 404.
4. **Заяц А. А.** Редько А. М. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 273 – 274.
5. **Иванов-Разумник Р. В.** Ф. Сологуб // О Федоре Сологубе: критика, статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. СПб.: Навьи Чары, 2002. С. 7-52.

6. Измайлов А. А. Измельчавший русский Мефистофель и передонощина // О Федоре Сологубе: критика, статьи и заметки / сост. А. Чеботаревская. СПб.: Навьи Чары, 2002. С. 446-461.
7. Коновалов В. Н. Литературная критика народничества. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. 116 с.
8. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. М.: Наука, 1975. 416 с.
9. Пеньков А. Е. Проблема метода в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» (из истории вопроса) // Русская литература XX века. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1995. Вып. 2. С. 144-150.
10. Редько А. Е. С «Перевала» в «Шиповник» // Русское богатство. 1910. № 10. С. 154-157.
11. Редько А. Е. Ф. Сологуб в бытовых произведениях и в «творимых легендах» // Русское богатство. 1909. № 2. Ч. 2. С. 55-90; № 3. Ч. 2. С. 65-101.

POPULIST CRITICISM OF F. SOLOGUB'S WORKS (A. E. RED'KO'S ARTICLES)

Lenskaya Anastasiya Ivanovna
Lomonosov Moscow State University
lenskaya_a@mail.ru

In the article the works of the critic-populist A. E. Red'ko devoted to the creativity of F. Sologub are analyzed in detail for the first time. The purpose of the research is to show what difficulties the critic of democratic orientation is confronted with in the interpretation of the works of the writer-modernist alien to him ideologically and aesthetically. Red'ko identified correctly the combination of factual accuracy and fiction in Sologub's prose, but he saw not the originality of the artistic method in it but the writer's inability to follow the principles of lifelikeness.

Key words and phrases: F. Sologub; magazine "Russkoye Bogatstvo" ("The Russian Wealth"); populist criticism; symbolist prose; artistic method.

УДК 809.461

Филологические науки

В данной статье мы проводим исследование числительного, выполняющего функцию определения в сопоставляемых кумыкском и английском языках. Изучая работы научных исследователей по теме данной статьи, мы пришли к выводам, что в сопоставляемых языках числительные разделяются на два вида: количественные и порядковые. Особенность английского языка здесь проявляется в передаче порядка следования, когда речь идет о годах, страницах либо главах книги. Различия имеются и в процессе образования дробных числительных. Обоим языкам здесь свойственно препозиционное положение по отношению к определяемому слову. Образование десятичных числительных в обоих языках происходит по-разному.

Ключевые слова и фразы: числительное; определение; количественные; порядковые; препозиция; постпозиция; кумыкский язык; английский язык; дробные числа; целые числа.

Магомедова Аида Сайпутдиновна

Дагестанский государственный университет
aidadgy@mail.ru

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ®

Числительное является наиболее сложной частью речи, представляющей собой разряд слов, называющий количество тех или иных предметов, лиц и др. Распознать числительное в обоих языках достаточно просто, всего лишь задав вопрос *нече?* и *which?* «сколько». Однако дальнейшее изучение числительного, выступающего в предложении в качестве определения, уже вызывает сложности.

Структура числительного является динамической в силу модификации изменения понятия числа, то есть число переходит в количество. Однако первоначально существовало не число, а множество. После того, как человек начал замечать общие признаки, когда он столкнулся с группами, по его мнению, «одинаковых предметов», начали вырабатываться представления общего характера. В то время и возникли представления о понятиях «один» и «много» [3, с. 15].

Числительные, объединенные только своей семантикой, значительно отличаются от существительных, владеющих синтаксическими, морфологическими и семантическими признаками частей речи, а также от прилагательных, морфологический признак которых представлен намного слабее. Числительные представляют собой точное количество или же последовательность; таким образом, подразделяться они могут на количественные *one, two... бир, эки...* «один, два...» и порядковые *the first, the second... биринчи, экинчи...* «первый, второй...». Они могут выражать и приблизительное количество: *беш-алты гиши* «пять-шесть